

- 4 См.: *Осадчий И.П.* Коммунистическая партия Российской Федерации // Политическое просвещение. 2001. № 1(2). С. 98.
- 5 См.: Участие КПРФ в региональных выборах 2000 года: итоги и анализ // Политическое просвещение. 2001. № 1(2). С. 61.
- 6 Там же. С. 62, 65.
- 7 См.: Доклад Президиума ЦК КПРФ «О выполнении решений VI и VII (внеочередных) пленумов ЦК КПРФ» // Политическое просвещение. 2002. № 3. С. 9–19.
- 8 *Зюганов Г.А.* О стратегии Компартии Российской Федерации в избирательных кампаниях 2002–2004 годов // Политическое самообразование. 2002. № 4(10). С. 8.
- 9 См.: *Зюганов Г.А.* Пленум ЦК КПРФ. 22 июня 2002 года // Политическое просвещение. 2002. № 4(10). С. 10–12.
- 10 Там же. С. 10.
- 11 Там же. С. 13.
- 12 Там же. С. 28.
- 13 Предвыборные маневры начались // Политическое просвещение. 2003. № 3. С. 115.
- 14 IX (внеочередной) съезд КПРФ (второй этап работы) // Политическое просвещение. 2004. № 1(19). С. 14.
- 15 Пленум ЦК КПРФ. 27 июня 2003 г. // Политическое просвещение. 2003. № 4. С. 29–30.
- 16 *Васильцов С.И., Пешков В.П., Обухов С.П.* Партии в ожидании выборного указа // Политическое просвещение. 2003. № 5(17). С. 58.
- 17 Политическое просвещение. 2003. № 4(16). С. 21.
- 18 IX (внеочередной) съезд КПРФ (второй этап работы) // Политическое просвещение. 2004. № 1(19). С. 8–9.
- 19 *Мельников И.И.* Об эффективности работы коммунистов в органах законодательной, исполнительной власти и в местном самоуправлении // Политическое просвещение. 2004. № 3(21). С. 7–8.
- 20 *Васильцов С.И., Обухов С.П.* Итоги выборов по партийным спискам в представительные (законодательные) органы власти субъектов РФ // Политическое просвещение. 2004. № 3(21). С. 131–132, 135.
- 21 *Федоткин В.Н.* Об опасности правого оппортунизма в наших рядах // Политическое просвещение. 2004. № 2(20). С. 16.
- 22 *Зюганов Г.А.* Мы выстояли. Впереди трудный марш. Политический отчет ЦК КПРФ X съезду КПРФ // Политическое просвещение. 2004. № 4(22). С. 9, 12, 34.

УДК 329.059470+571

«РУССКАЯ ДОКТРИНА»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КРИТИКИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые направления критики «Русской доктрины» со стороны либерально-ориентированных публицистов и общественно-политических деятелей, дана оценка их аргументированности и состоятельности.

Ключевые слова: «Русская доктрина», идеологический фактор, либерализм, либеральные ценности, эволюция партий.

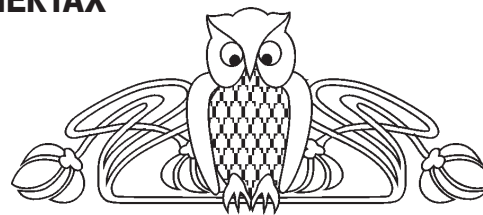
«Russian Doctrine»: Some Aspects of Liberal Criticism

V.I. Golovchenko

The article deals with some directions of the criticism to «Russian Doctrine» by liberally oriented publicists and statesmen. The veracity and validity of their arguments have been estimated.

Key words: «Russian Doctrine», ideological factor, liberalism, liberal values, the parties' evolution.

Концепция «суверенной демократии» стала толчком для обсуждения со стороны представителей самых различных политических сил, публицистов и научного сообщества. Появление «Русской доктрины» – коллективного труда авторов и экспертов, под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова¹ – также вы-

звало общественный резонанс среди российских интеллектуалов, но масштаб его и вектор обсуждения был намного уже. Содержание большинства откликов на этот документ представляет, на наш взгляд, самодостаточный объект для изучения особенностей мировоззрения либерально-ориентированной интеллектуальной элиты в современной России.

Как представляется, несмотря на неоднозначность и противоречивость многих положений, общий пафос «Русской доктрины» и обозначенные в ней важнейшие проблемы и пути их решения заслуживают более серьезного отношения, анализа и общественного обсуждения, чем то ерничанье и шутовское осмеяние, которые имели место в значительной части российских СМИ. Не позиционируя себя как апологета данной доктрины, попытаемся разобрататься в том ракурсе, который был обозначен в ее восприятии со стороны либерального интеллектуального сообщества.

Первый вопрос, который вызывает противоречивое восприятие данного документа, связан с самим использованием понятия «доктрина», не

имеющего единой трактовки в общественном сознании. С советских времен «доктрина» понималась не просто как учение, научная теория, политическая система, руководящий теоретический или политический принцип, но в соотношении с «доктринерством», трактуемым как слепое, некритическое следование какой-либо доктрине, как синоним начетничества и схоластики².

Почему же тогда было выбрано именно это понятие, а не «концепция», не «идеология»? Думается, что одной из причин стало широкое использование понятия доктрины в российском правоведении, которое оказало воздействие и на его позитивное восприятие в других сферах общественно-политической жизни. С юридической точки зрения доктрина рассматривается: а) как мнения ученых-юристов по тем или иным вопросам, касающимся сущности и содержания различных юридических актов, по вопросам правотворчества и правоприменения; б) как научные труды наиболее авторитетных исследователей в области государства и права; в) в виде комментариев различных кодексов, отдельных законов, «аннотированных версий» (моделей) различных нормативно-правовых актов. В целом с точки зрения правовой практики доктрина – это исходящее от юристов-теоретиков разъяснение законов и отдельных правовых норм³. По определению В.С. Нерсисянца, «доктрина права разрабатывает и обосновывает определенные юридико-познавательные формы (принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы и т.д.), трактовки позитивного права (его источников, системы и структуры, его действия и применения, его нарушения и восстановления и т.д.)»⁴.

Кроме того, в постсоветский период понятие доктрины прочно вошло в российскую социально-политическую практику в виде официально утвержденных документов, либо проектов («доктрина информационной безопасности», «демографическая доктрина России», «военная доктрина Российской Федерации», «экологическая доктрина России», «этнополитическая доктрина России» и др.).

Важно отметить, что данное понятие нередко рассматривается как синоним идеологии, особенно с учетом нарастания негативного отношения к последней как среди интеллектуалов, так и среди значительной части населения. По мнению С.В. Бошно, это не совсем правомерно, так как доктрина «обычно имеет доказательства своих тезисов, она рациональна», а идеология «тяготеет к религиозным способам воздействия на общество»⁵. Думается, лучше всех соотношение между доктриной и идеологией (без упоминания последнего термина) методологически обосновал Л. фон Мизес: «для того чтобы заставить работать социальные доктрины, необходима поддержка общественного мнения»⁶.

Исходя из этого, в ракурсе политологии доктрину в широком смысле, на наш взгляд, можно

определить как совокупность теоретически обоснованных идей по какой-либо важнейшей общественной проблеме, представляющих собой объяснение породивших ее причин и социальный проект ее решения на основе определенных принципов и использования оригинальных механизмов и способов реализации.

С этой точки зрения «Русская доктрина» представляет собой максимально широкий социальный проект развития всех сфер общественной жизни, который авторы предполагали предложить населению России. В 2007 г., выступая перед московскими студентами, митрополит Кирилл дал очень лестную оценку концепции «Русской доктрины»: «Ее разработчики считают, что модернизация России неотделима от сохранения национально-духовных ценностей русского народа. Базовые ценности не должны быть предметом дискуссий ... Что будет с Россией, если она вступит на путь модернизации, не определив те базисные ценности, которые ни при каких условиях не могут быть изменены. Те ценности, которые определяют нашу национальную культурную и духовную идентичность»⁷.

Однако большая часть откликов со стороны обществоведов и журналистов не была комплиментарной. Чего стоят одни эпитеты, которыми авторы награждали данную доктрину («суверенная теократия», «атомное православие», «получит ли церковь власть над Кремлем», «православный сталинизм» и т.п.).

Одним из резких критиков доктрины выступил А. Солдатов. Особенное недовольство у автора вызвала глава 9 доктрины «Идеология сверхнационализма», в которой главной опасностью для Русской империи объявляются «интернационалистские и космополитические тенденции». Видимо, А. Солдатов подразумевает, что эти тенденции принесли российскому народу одни только позитивные последствия. Вызывает неприятие автора и положительное отношение к ядерному оружию, сформулированное в «Русской доктрине», как к инструменту сдерживания внешних врагов России. Содержание статьи достаточно очевидно наталкивает на мысль, что ядерное оружие должно было получить публичное осуждение со стороны православия и его иерархов. При этом речь в статье идет только о российском оружии, что позволяет предположить, что ядерное оружие демократических стран (особенно США с их опытом Хиросимы и Нагасаки), в представлении Солдатова, – это гуманный инструмент для защиты идеалов демократии.

Для осуждения православия автор приплетает любое лыко в строку. По его мнению, «русское благочестие и раньше частенько приобретало brutальные, самоубийственные формы – казни и самобичевания Ивана Грозного, самосожжения староверов, общины бегунов и странников, уходящих в дремучие леса или хоронящихся подвалам у “верных”»⁸. Как бы здесь не вспом-

нить «благочестивую» борьбу с еретиками в Западной Европе, публичные сожжения на костре по приговору инквизиции, Варфоломеевскую ночь, Крестовые походы и т.д. Но это же история демократических собратьев, которых, видимо, по мнению Солдатова, критиковать нельзя. Им можно только подражать и слепо учиться уму-разуму для того, чтобы уйти от варварского российского традиционализма.

Не случайно, что данная статья размещена на сайте Музея и общественного центра «Мир. Прогресс. Права человека» имени Андрея Сахарова⁹. Учредителем Музея и общественного центра является Фонд Андрея Сахарова, а его председателем – Елена Боннэр. Об её отношении к России красноречивее всего говорит тот факт, что в 1992 г. на «свободном» ведущем российском телевизионном канале, в лучшее эфирное время, в течение двух часов вдова А.Д. Сахарова на всю страну критиковала Б.Н. Ельцина за то, что он не выполнил до конца заветы покойного диссидента по разрушению СССР как «тюрьмы народов» и не создал на территории России еще 50–60 и более самостоятельных демократических государств. Сколько десятков миллионов граждан второго сорта появятся на территориях вновь образованных государств, сколько территориальных претензий они будут иметь друг к другу, сколько при этом прольется крови, каков будет характер «самостоятельных» политических режимов – все эти вопросы Е. Боннэр не интересовали. Главное – «Карфаген должен быть разрушен!» – любой ценой. Ну, а в случае возникновения конфликтных ситуаций на бывшей территории Российской Федерации всегда можно пригласить международные силы в лице НАТО, которые своими «точечными» ударами высокотехнологичного «гуманного» оружия быстро наведут демократический порядок, отделят «чистых» от «нечистых». К последним, очевидно, отнесут «русских колонизаторов», которых нужно будет вернуть на территорию Московии. Саха (Якутия), Ханты-Мансийское государство, княжества абазов, камчадалов, эскимосов, ительменов, эвенков и т.д. будут самыми «демократическими» государствами, с помощью «демократических» выборов под контролем международных наблюдателей сформируют этнически чистые автохтонные правительства и создадут все условия для деятельности транснациональных корпораций на своей территории. Мечта американской администрации поставить под международный контроль природно-сырьевые ресурсы России для более «справедливого» их использования будет воплощена в жизнь руками наиболее последовательных российских «демократов»¹⁰.

С. Бычков в своей критике «Русской доктрины» также не утруждает себя серьезными аргументами. Передергивание смысла концептуальных предложений авторов доктрины, цитатничество на основе манипуляционной интерпретации, наклеивание ярлыков, использование либеральных

штампов представляют собой основной ернический инструмент автора («марксистские догмы», «марксистская фразеология», «словотворчество», «сногшибательные открытия», «бесхитростные предложения», «воинственность» и т.п.)¹¹.

Подобные аргументы дополняются намеками на корыстные и криминальные интересы авторов доктрины. Например, по утверждению Г. Поляковой, «спрос на универсальные идеологические основы и ценности государства, по законам рыночного жанра, породил массу предложений со стороны различных сил, начиная от либерально-демократических и заканчивая православно-консервативными. Этим не преминули воспользоваться рвущиеся к власти олигархические группы, в том числе и связанные с РПЦ (достаточно вспомнить скандалы по поводу огромных капиталов, сколоченных на торговле безакцизными сигаретами и водкой). Именно они приняли самое деятельное участие в разработке и курировании таких масштабных политических проектов, как “Основы православной культуры” и “Русская доктрина”»¹².

Г. Полякова констатирует, что «оба проекта, появившиеся на свет в год политических выборов, делают ставку на декларативный популизм и имеют мало чего общего с реалиями сегодняшнего дня. Например, авторы “Русской доктрины” ратуют за восстановление России в границах СССР на 1 января 1989 года, призывают отказаться от признания ценностей прав человека и принципа разделения властей»¹³. Кроме того, в документе объявляется, что все государственные посты в России должны занимать исключительно православные.

Примером того, как можно увести читателя от серьезного обсуждения «Русской доктрины», может послужить статья П. Круга¹⁴. Приемы очень просты, но достаточно действенны. Первый заключается в уничижительной характеристике авторов доктрины как группы публицистов, «чьи имена, что называется, широко известны в узких кругах».

Второй прием состоит в запугивании представителей различных этнических групп современной России: «в правозащитных кругах уже бьют тревогу: текст “Русской доктрины” содержит “дискриминационные положения в отношении представителей нерусских этносов и неправославных верующих”». При этом никакого анализа проявлений «дискриминации» нет, есть лишь ссылка «на авторитеты».

Ну и, наконец, третий – основной прием, суть которого сводится к настраиванию читателя на несерьезное, юмористическое отношение к данному документу: «слишком многое мешает воспринимать документ всерьез. Настолько пафосно звучат речи разработчиков проекта, настолько насыщен экзотическими метафорами его текст». Для подкрепления такого восприятия П. Круг приводит оригинальную терминологию авторов «Русской

доктрины» «Тут и “смыслократия”, и “остальгия”, и “нейромир”, и “псевдоморфоз”, и “макрос государственности»» без ее авторского разъяснения. Интерпретация русской истории, по мнению П. Круга, «местами вообще напоминает фэнтези, а рассуждения об особой русской православной экономике – сказку Николая Лескова о том, как тульский левша аглицкую блоху подковал. Правда, вряд ли авторы стремились к такому эффекту. В любом случае слушать их во сто крат веселее, чем изучать журналы заседаний Священного Синода или тем более читать экзерсисы наших высокопоставленных чиновников в области православного вероучения»¹⁵.

Если суммировать всю критику «Русской доктрины», то суть ее можно свести к ряду тезисов. По мнению либералов, в случае её реализации Россия будет:

теократической (то есть как Иран при аятоллах или Афганистан при талибах);
самодержавной (то есть тюрьмой народов);
националистической (русский фашизм).

Ни один из этих тезисов в содержании доктрины реально не представлен. Главный ее смысл, по справедливому утверждению А. Ципко, заключается в том, что «новый, молодёжный русский патриотизм пронизан пафосом “собирания камней”, пафосом собирания русских святынь, русской истории и даже русских земель. Понятия “Россия”, “империя”, “державность” соединены воедино в этом новом молодёжном сознании»¹⁶.

Молодёжный российский консерватизм создаёт проблемы не только для тех, кто победил в октябре 1993 г., но и для новой власти. За молодёжным консерватизмом стоит главный запрос новой России – запрос на духовную, политическую суверенность. По мнению А. Ципко, «сейчас трудно и, наверное, опасно переименовать нашу подражательную Конституцию 1993 года, написанную с позиций испуганного ученика демократии, под новые требования национального развития. Но не реагировать на многие разумные предложения “Русской доктрины” нельзя. Без союза, взаимодействия, сотрудничества власти с молодой, национально ориентированной Россией у нас нет будущего»¹⁷.

Смысл же неконструктивной, огульной и бес-содержательной либеральной критики «Русской доктрины», по нашему мнению, заключается в том, чтобы оправдать свою идейно-мировоззренческую несостоятельность в вопросе о поддержке преобразований 1990-х гг., которые привели к превращению России в сырьевой придаток западных стран, к укреплению олигархического, компрадорского варианта экономического развития и его соответствующего политического оформления. Это попытка переложить ответственность за социально-экономический и духовный кризис российского общества на само общество, ориентированное на традиционализм, патернализм, уравнительность, специфическое понимание социальной справедливости. В результате,

любые попытки выйти из кризисного состояния на основе использования российских социокультурных особенностей либералами встречаются в штыки. Тем самым вместо выявления и внедрения рациональных зерен, имеющихся в «Русской доктрине», нам предлагают высмеять ее и еще раз наступить на «либеральные грабли».

Примечания

- 1 Русская доктрина // <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=4&t=1> (просмотр от 18 февр. 2009 г.).
- 2 См.: Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз, 1992. С. 211.
- 3 Роль правовой доктрины проявляется в создании конструкций, понятий, определений, которыми пользуется правотворческий орган. Судьи высших или международных судов, выражая своё особое мнение, зачастую ссылаются на труды известных правоведов. А в судебных заседаниях приглашают учёных-юристов для дачи экспертных заключений.
- 4 *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: НОРМА–ИНФРА, 1999. С. 382–383.
- 5 *Бошно С.В.* Доктрина как форма и источник права // Журн. рос. права. 2003. № 12. С. 17.
- 6 *Мизес Л. фон.* Роль доктрин в человеческой истории // Либерализм. М.: Социум, Экономика, 2001. С. 191.
- 7 Митрополит Кирилл рассказал студентам о «Русской доктрине» // <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=6&o=80> (просмотр 9 нояб. 2007 г.).
- 8 Там же.
- 9 *Солдатов А.* Атомное православие // Огонек. 2007. № 37. 10–16 сент. // http://sakharov-museum.ru/museum/exhibitionhall/religion_notabene/religion/index.php?subaction=showfull&id=1189609418&archive=&start_from=&ucat=3&
- 10 Не случайно, что финансовые средства на реконструкцию здания Музея и общественного центра «Мир. Прогресс. Права человека» имени Андрея Сахарова предоставили: Американское агентство международного развития, Национальный фонд развития демократии (США) при посредстве юридического консорциума АРД/ЧЕККИ и Дома Свободы (США), Фонд Мак-Артуров (США) при посредстве Университета Брэндайса (США), Фонд Сороса (США), Алан Вин (Великобритания).
- 11 *Бычков С.* В России построят суверенную теократию // Московский комсомолец. 2007. 12 сент.
- 12 *Полякова Г.* Получит ли церковь власть над Кремлем // IslamNews.Ru. 2007. 7 нояб.
- 13 Там же.
- 14 *Круг П.* Кому ляжет на стол «Русская доктрина»? // Независимая газ. 2007. 5 сент.
- 15 Там же.
- 16 *Ципко А.* В ожидании Гагарина. Сила и слабость молодёжного консерватизма // Лит. газ. 2006. 14 янв.
- 17 Там же.